

*Шуваева-Петросян Елена Алексеевна,
аспирантка
Литературного института
им. А. М. Горького,
Москва, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ АРМЯНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКОВОГО ФЕНОМЕНА В ПОВЕСТИ ЮРИЯ КАРАБЧИЕВСКОГО "ТОСКА ПО АРМЕНИИ"

Карабчиевский Юрий Аркадьевич (1938-1992) — поэт, прозаик, литературовед, хотя по профессии инженер-электронщик. Работал в биологических и медицинских лабораториях, а с 1974 г. — рабочим по ремонту электронных приборов. Считает себя вечным и постоянным москвичом. Точный и лаконичный стиль его прозаических произведений определен благодаря воздействию технического образования[2]. Опыт подобной работы Карабчиевский считал очень важным для писателя. Плюсов было несколько: жизненный, можно сказать, живой материал, необходимый для творчества, а также избавление от комплекса неполноценности перед людьми других специальностей, потому что писательство не считалось работой.

И вот, инженер-электронщик, который не попал ни в Польшу, ни в Венгрию, летит в Армению, считая, что «все взаимосвязано в этом мире» и «где-то там, за Кавказом, в загадочной и вожделенной стране, существующей (для Карабчиевского — прим. авт.) как литературный факт, в городе, выстроенном русскими писателями, — вдруг обнаруживается институт, вполне реальный, какой-нибудь «био-гео» [6]. Незадолго до этого напарник — бригадир Олег — «утешает»: «Не грусти... Ну был я в Венгрии. Ничего хорошего. Жара...» и предлагает Юрию Армению. На что Карабчиевский отвечает: «Ты так не шути. Армения — это слишком серьезно. Для меня Армения знаешь... Лучше не надо» [6]. Но все было решено, и в папке у Олега уже лежала бумага с печатями — направление в страну, к которой так серьезно и ответственно относился Карабчиевский.

В самолет с собой Ю. Карабчиевский берет книгу об Армении, не называя ни автора и заглавия, и лишь из цитат понятно, что это Мандельштам. Книга нужна ему, чтобы «в самолете, в промежутках между двумя существованиями <...> как-то подготовить свое восприятие», выстроить некий образ Армении, увиденной чужими глазами [6].

Писатель считается русским, хотя по национальности — еврей. Геноцид этого народа наложил свой отпечаток на психологическое мышление Юрия Аркадьевича. Это явилось подтемой повести «Тоска по Армении», которая была написана в 1978 году в результате командировки писателя по своей прямой специальности в эту интересную страну. Произведение было напечатано впервые в 1980 году в ежеквартальном русском

межконтинентальном журнале литературы, искусства, науки и общественной мысли «Грани», который издавался во Франкфурте-на-Майне. В Советском Союзе нельзя было выносить национальный вопрос на всеобщее обсуждение [3]. В период распада СССР и эпохи гласности состоялась первая публикация на советском пространстве: журнал «Литературная Армения» опубликовал повесть в двух номерах — №7 и №8 1988 г.

Из произведения мы видим, что национальная принадлежность писателя в некоторых жизненных ситуациях создает некоторые трудности и смущает его. Ему не всегда хочется говорить людям об этом. А в Армении он понимает, что чувствует себя намного проще и легче, нежели в России [1]. В этой далекой стране не выделяют евреев, они такие же люди, как и русские, армяне, украинцы и многие другие.

Данная проза Ю. Карабчиевского показывает нам проблему переосмысления национальных и мировоззренческих концепций автора, поиск своего собственного видения и ощущения окружающего мира и людей.

Впервые в тексте повести об этом упоминается в вопросе армянской женщины Цогик Хореновны: «Места много, — говорит она. — Все дети разъехались, я одна осталась. Это хорошо, что вы приехали, теперь мне будет компания. Значит, вы Олег, а вы — Юра. Оба русские. Вы тоже русский?» [6].

Автор называет этот вопрос первым и главным, заданным ему в Армении. «Русский?» — спрашивает старая женщина. — «Нет, — говорю я, улыбаясь, — еврей» [6]. После этого ответа ничего не произошло, абсолютно ничего. Армянка ни словом, ни жестом не дала понять, что он не такой, как все, что он другой. Наоборот, она с улыбкой произнесла очень важные для Юры слова, признав в нем «своего», близкого: «А я и смотрю: совсем армянин, почему по-армянски не разговаривает, нет, думаю, наверно, еврей, вот Олег русский, это сразу видно...» [6]. И так легко и светло стало Юрию, что он перестал чувствовать напряженность и неловкость. Глаза стали застилать слезы благодарности и умиления от этой легкости. Между тем, автор объясняет, почему в России стесняются задавать подобный вопрос, — «комплекс вины» [6].

Именно с этого момента Ю. Карабчиевский, благодаря людям с ярко выраженным армянским национальным мышлением, стал сравнивать судьбу двух таких наций, как еврейская и армянская. Здесь хорошо отслеживается тема геноцида этих народов, а также проблема национальности писателя. Но именно в этой стране автор находит понимание и поддержку, которой ему так не хватало в России. Это вызывает его огромную благодарность за такое отношение. Ведь именно это чувство способствует восприятию писателем интернационального мира и проявлению подсознательного начала его национальной принадлежности. Дух армян не сломлен такими трагическими событиями, наоборот, он стал еще более стойким. Автор понял, что хотя бы ради этого стоило приехать в Армению, получить духовную подпитку от жителей Еревана.

Писатель нашел много схожего между двумя народами, но отметил также и существенные различия. Армяне гордятся своей национальной принадлежностью, своей страной, при этом

они не стали ненавидеть прочие народы, они проявляют уважение ко всем людям. Находясь абсолютно в любом месте или стране, они всегда готовы кричать с гордостью о том, что они армяне. Однако это полностью противоположно еврейскому и русскому менталитету. Самооценка этих народов весьма различна: если армяне полны мужества и гордости, то такие же громкие высказывания от русских и евреев принимают несколько пародийное и анекдотичное значение. Поэтому писатель даже испытывал острую зависть к армянам.

Собственное мышление Ю. Карабчиевского сформировалось в результате влияния двух совершенно различных сфер — русской и еврейской. В результате стал рассматриваться вопрос о связи языка и национальности.

Конечно, в Армении говорят на русском языке, но в нем присутствует значительный акцент. Кроме того, многие русские слова используются не совсем верно. Да, смысл от этого искажается, но при этом проявляются особенности армянского мышления, что весьма интересно и необычно. Автор говорит на русском языке, но он не родной ему по крови, поэтому он считает, что этому языку не хватает судьбы. Ведь какой бы вклад в него не вносили другие народы: французы, поляки, армяне, евреи его судьба останется судьбой лишь русского народа. Получается что русский язык для писателя одновременно и такой близкий и такой далекий, но, тем не менее, чего-то не воплотивший. Но, между тем, писатель гордится, что он еврей и русский одновременно, когда простая буфетчица, отметив, как много хлеба взяли Олег и Юрий, говорит: «Русские любят много хлеба». И тут Карабчиевского охватывает новое осознание, окрашенное какой-то детской радостью: «Мы — любим, мы — русские...» «Надо было приехать в Армению, чтоб почувствовать себя настоящим русским, и не уже, и не беднее оттого, что еврей, а, наоборот, богаче и шире»[6]. Писатель чувствует главную благодарность к армянам за это ощущение, которое можно назвать откровением.

Литературный критик Сергей Костырко национальную принадлежность Карабчиевского определил так: «Еврей — по крови, русский еврей — по судьбе, русский — по языку, по культуре, по литературе, в которой работал и которую сам создавал» [8].

Еще о языке автор задумывается в момент, когда забрел на чужбине на кладбище. Сидя на окрашенной лавочке возле могилы, он читает надгробную надпись: «Как люб мне язык твой зловещий, твои молодые гроба, где буквы — кузнечные клещи, и каждое слово — скоба!»[6]. Это наталкивает его на мысль, о чем же думает армянский писатель, когда пишет на неродном языке? Здесь — на русском. Сам себе Ю. Карабчиевский множество раз в произведении задает вопрос: «А по-русски ли я мыслю?» Ведь из еврейского языка он знает лишь несколько слов. Для него даже маленькая фраза на еврейском языке, пусть не совсем понятная, иногда звучит тепло и проникновенно, а аналогичная русская — холодно и бессмысленно.

Армянский язык описан как насыщенный и почти физически ощутимый. Писатель многократно прибегает именно к дословному переводу, чтобы более точно переводить оригиналы. Автор все время пытается понять, где же находятся общие грани национальности и языка [9]. В произведении не раз играет в слова. В эту игру играли практически все литераторы, которые побывали в Армении. Занятие это оказывается нелегким, ведь армянский язык весьма специфичен, плотен. Но, уже спустя короткий промежуток времени, писатель с

удовольствием смотрит и слушает по телевизору исполнение народных армянских песен без музыкального сопровождения. Хотя язык он еще не выучил, звучание этих песен кажется ему гармоничным и прекрасным, он все понимает.

Дальше — больше. Телефонный разговор на армянском языке Ю. Карабчиевский уже воспринимает непосредственно, без какого-либо перевода. А говорит с ним не кто иной, как известный армянский писатель Грант Матевосян, встреча с которым произвела неизгладимое впечатление. Именно в этот момент он понимает, как эта речь легка, остра и иронична. Именно легка! Карабчиевский до знакомства читал книгу Матевосяна и размышлял, от какого литературного и бытового пласта отталкивался тот, определяя удел армянского писателя в «провинциализме, пересказе, перепеве с национальным орнаментом», и вся «эта поверхность и вторичность должна особенно резать глаза в переводе» [7]. Все рассуждения канули в небытие, едва Карабчиевский раскрыл книгу Матевосяна: легкая радость от осознания, что в книге присутствуют все компоненты высокой прозы — стиль, ритм, точность рисунка, подлинность персонажей, окрасила день. Радость эту Карабчиевский назвал просто, емко и навсегда: Грант Матевосян. Заслуженное место, конечно, в этом отводится мастерскому переводу с армянского на русский.

Поскольку писатель не знает своего родного языка — идиша, он начинает считать себя несколько несовершенным в своем языковом мышлении [5]. И это несовершенство не показывает его национальный характер. По его мнению, отчеством автора является язык, на котором он пишет. Вот и выявляется несоответствие — человек, еврей по национальности, а пишет на русском языке, значит, является русским писателем. Ведь другого языка, кроме русского, он не знает. «Какой же еще мне родной, когда я никакого другого и знать не знаю?..» — задает он вопрос [6]. Писатель задумывается, а что если бы его родным был идиш. «Страшно подумать! — размышляет он. — «Шолом-Алейхем». — в мозгу мотается колокол. «Шолом-Алейхем» — туда-сюда, двойной, но один и тот же звук. И как будто локтями упираешься в стены, душно, накурено, полутемно, а за дверью свежий воздух и свет, которые смертельны для глаз и легких...» [6].

Между тем, автор обращает внимание на то, что в Армении очень редко употребляют отчество, чаще всего в присутствии русских или по отношению к ним или для них. Объясняет этот феномен Карабчиевский врожденным чувством слова и еще царственной простотой отношений [6]. Армяне отличаются тем, что большинство из них знают свой родной язык и неплохо владеют русским.

Языковым диссонансом определяется двойственность творчества и мировоззренческих, а также эстетических взглядов писателя.

А ко всему этому подвела Ю. Карабчиевского армянская национальная действительность, ее языковой феномен. Именно здесь очень остро стоит проблема исторических и территориальных ценностей. И только благодаря этому автор понимает, что такое родина. Благодаря Армении, он постигает собственные национальные ценности.

Таким образом, на примере произведения Ю. Карабчиевского «Тоска по Армении» мы

можем видеть психологический аспект восприятия армянского национального мышления и языкового феномена автором.

Только лишь побывав в этой далекой стране, он, можно сказать, познал себя заново, а также понял смысл слова «родина». Повесть написана по национальной тематике, она раскрывает проблемы наций, переживших геноцид, показывает различия евреев и армян, их отношение к этим страшным событиям. Если армяне готовы кричать на весь мир и своей национальности, то евреи предпочитают умолчать об этом.

Свою лепту вносит и совмещение профессий инженера и писателя [4]. Ведь данная повесть — это как бы отчет в прозе по командировке. Об этом говорят и упоминающиеся в тексте произведения сравнения людей с деталями агрегатов и механизмов. Но и как литератор, упоминает очень большое количество советских и зарубежных писателей, что говорит о большой эрудированности и больших познаниях в прозе и поэзии.

Юрий Аркадьевич — это автор, который писал о том, что сам увидел или испытал, он прямо высказывался об этом, не боясь никакого порицания со стороны общественности. Возможно, по этой причине его произведения изначально очень редко издавались.

Поэтому, можем сделать вывод, что армянская проза явилась воплощением взгляда на мир человека многостороннего, с большой душой, которая полна положительных качеств, своих определенных нравственных и культурных пристрастий.

Список литературы

1. Баткин Л. Тоска по России // Дружба народов. — 1999. — № 6.
2. Бахнов Л. Автопортрет на фоне... // Дружба народов. — 2001. — № 10.
3. Интервью Ю. Карабчиевского Сергею Шаповалу 18.04.1992 — опубл. ж-л. «Уральская новь». — 1998. — №1 (последнее интервью Юрия Карабчиевского).
4. К шестидесятилетию Юрия Карабчиевского // Русский журнал. — 1998, 14 октября. — № 29.
5. Обзор творчества Юрия Карабчиевского в журнале «Народ Книги в мире книг» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://narodknigi.ru/journals/46/slishkom_chelovecheskoe/ (дата обращения 09.07.2018 г.).
6. Карабчиевский Ю. Тоска по Армении //Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Армении «Литературная Армения». — 1988. — № 7
7. Карабчиевский Ю. Тоска по Армении //Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Армении «Литературная Армения». — 1988. — № 8
8. Костырко С. С угрюмым обожаньем... // Новый мир. — 1993. — № 10. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/9/bookrev01.html (дата обращения 11.07.2018 г.).
9. Матевосян Э. Воздействие армянской национальной действительности на мировоззрение Ю. Карабчиевского. // Официальный сайт docplayer.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/47159719-Vozdeystvie-armyanskoj-nacionalnoy-deystvitel-nosti-na-mirovozzrenie-yu-karab-chievskogo.html> (дата обращения 10.07.2018 г.).